

ЕЩЕ РАЗ ОБ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ

В работе "Аналитические конструкции в бурятском языке" (Улан-Удэ, 1972) нами выделены следующие глагольные виды:

1) законченный вид, выраженный аффиксом разделительного деепричастия -аад в составе аналитической конструкции: уншаад байна 'прочитав есть';

2) продолженный вид, выраженный аффиксом соединительного деепричастия -жа: уншажа байна 'читая есть'. Этот вид подразделяется на подвиды:

а) ограниченно-продолженный подвид, выраженный аффиксом слитного деепричастия -н: уншан байна '(недолго) читая есть';

б) давно-продолженный подвид, выраженный аффиксом продолжительного деепричастия -паар: уншапаар байна 'все еще читая есть';

в) длительный подвид, выраженный эмфатическим гласным -ээ,

редупликацией основ соответствующих глагольных основ: уншажээ байна 'читает и читает', унша уншаанаар ерэбэ 'идет и читает-читает';

3) многократный вид, выраженный аффиксом многократного (-даг), однократного и постоянного (гша-, -ааша) причастий: уншадаг байна '(обычно) читает';

4) потенциальный вид, выраженный аффиксом целевого деепричастия -хаа (-хаяа) также в составе аналитической конструкции: уншахаа байна 'вот-вот станет читать'.

В бурятском языке имеются видовые классы (способы действия):

1) интенсивность, мгновенность действия передается посредством аффиксов -рхи (-хи) и -ша: мүргэжэрхибэ 'боднул', бодошобо 'вскочит';

2) ритмичность действия выражается аффиксами -лза, -гана, -гаша: хотолзо, хотогоно, хотогошо 'изгибайся (ритмично)';

3) учащенность действия с разными дополнительными оттенками обозначается аффиксом -сагаа: ябасагаа 'похаживай';

4) ослабленность действия с оттенком повторяемости выражается аффиксом -бхила: энеэбхилэ 'улыбайся';

5) уменьшительность-ласкательность действия выражается аффиксом -хада: ябахата 'похаживай (мило)';

6) ограниченность действия выражается аффиксом -д в сочетании с грамматикализированным словом гэхэ 'говорить': ябад гэхэ 'малость, чуточку походить'.

Значения, выраженные глаголами типа эхилхэ 'начинать', дүүрэхэ, дуушаха 'кончатся', нами названы лексическими видовыми значениями.

Ц.Б. Цыдендамбаев в монографии "Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении" (М., 1979) критикует эту нашу концепцию глагольного вида и выдвигает свою теорию по данному вопросу. При этом, соглашаясь в общем с выявленными нами видами, он высказывает свое, отличное от нашего, понимание того, какими средствами образуются эти виды в бурятском языке.

1. Законченность действия обозначается не только разделительным деепричастием основного глагола вкупе со вспомогательным глаголом байха 'быть', но и причастиями завершено-прошедшего и прошедшего времени основного глагола, которые могут сочетаться с глаголами пууха 'сидеть', ябаха 'ходить', ошохо 'идти', 'отправляться' и т.п.

2. Продолжительность действия обозначается как соединительным, слитным или продолжительным деепричастием основного глагола в сочетании со вспомогательным глаголом, так и прилагательным на -нги, выражающим состояние, и вспомогательным глаголом: Би тэрэ хэрэг тухай ланаагаа зобонги байнам 'Я все беспокоюсь по поводу того дела'².

3. Многократность действия обозначается не только многократным, "однократным" или постоянным причастием основного глагола

в совместном употреблении со вспомогательным глаголом, но и повторением разделительного или – особенно – слитного деепричастия основного глагола с тем же вспомогательным глаголом: Миши нүхэр ойлгоогүй юмэээ багшаһаа нуран нуран нууна хэн 'Мой товарищ неоднократно задавал вопросы учителю обо всем, что было непонятно ему'³.

4. Потенциальность действия обозначается как целевым деепричастием основного глагола, употребляемым вместе со вспомогательным глаголом, так и причастием будущего времени основного глагола с послесложно-союзным словом гэжэ или прилагательным на -маар, выражающим возможность совершения действия, в соединении со вспомогательным глаголом: Райком партиин секретарь город орохо гэжэ байна 'Секретарь райкома партии собирается приехать в город'; Энэ кинокартинатнай япала хараммаар байна 'Эта ваша кинокартина вполне такая, что можно смотреть'⁴.

Ц.Б. Цыдендамбаев пишет далее: "Мы не стремимся к перечислению возможно большего количества сочетаний, синонимичных так называемым видовым конструкциям глаголов в бурятском языке, предложенным Ц.-Ж. Цыдыповым; тем не менее думается, что приведенных данных достаточно, чтобы видеть не столько аналитическую, сколько синтаксическую спаянность всех этих сказуемостных сочетаний с видовыми значениями законченности, продолжительности, многократности и потенциальности. Короче говоря, эти четыре видовых значения выражаются в бурятском языке не одними лишь сочетаниями, указанными Цыдыповым в своей работе об аналитических конструкциях, а еще рядом других сочетаний, приобретающих в предложении те же значения"⁵.

Таким образом, Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что сочетания типа уншаад байна, уншажа байна, уншадаг байна, уншахаа байна являются сказуемостными сочетаниями, которыми выражаются и видовые значения законченности, продолжительности, многократности и потенциальности, т.е. выражение видовых значений в бурятском языке выводится за пределы морфологии и признается компетенцией синтаксиса.

По нашему мнению, противопоставление "синтаксической спаянности" и "аналитической конструкции" неправомерно, ибо любая аналитическая конструкция может быть и синтаксически спаянной. При этом, по Ц.Б. Цыдендамбаеву, аналитические конструкции могут быть только сказуемыми (сказуемостными сочетаниями). Однако в книге, которую критикует Ц.Б. Цыдендамбаев, описаны и синтаксические функции соответствующих аналитических конструкций, из чего видно, что они могут функционировать в качестве любого члена предложения – подлежащего, определения, дополнения, обстоятельства, а не только сказуемого⁶.

Теперь рассмотрим те аффиксы, которые, по Ц.Б. Цыдендамбаеву, выражают видовые значения. В частности, он полагает, что причастие прошедшего времени (уншапан) имеет такое же значение, как и разделительное деепричастие (уншаад). При этом разделительное деепричастие он считает деепричастием прошедшего вре-

мени (с. 119), но ведь известно, что еще в 1835 г. Александр Бобровников назвал его деепричастием прошедшего времени⁷, а в 1849 г. его сын Алексей Бобровников понял, что деепричастие на -аад не имеет временного значения, и назвал его разделительным деепричастием⁸, что является правильным.

Необходимо отметить, что монголистами в интерпретации грамматического значения разделительного деепричастия проделан довольно сложный путь:

а) при первом знакомстве с языковым материалом исследователи нашли, что разделительное деепричастие обозначает прошедшее время (Я. Шмидт⁹, Александр Бобровников¹⁰, А. Попов¹¹);

б) в дальнейшем монголоведы обнаруживают видовое значение разделительного деепричастия, но приписывают это значение вспомогательному глаголу (Алексей Бобровников¹², А. Орлов¹³, В.Л. Котвич¹⁴);

в) предпринимается попытка дать компромиссное решение: формантом видового значения считают аффикс разделительного деепричастия и основу вспомогательного глагола (Д.Д. Амсоголов¹⁵);

г) наконец приходят к выводу, что разделительное деепричастие выражает законченность действия (Т.А. Бертагаев¹⁶, Ц.Ц. Цыдыпов¹⁷, З.В. Шевернина¹⁸). Однако этот последний, на наш взгляд наиболее правильный, вывод не получил признания. Трактовка значения разделительного деепричастия остается спорной;

д) в 1962 г. в академической "Грамматике бурятского языка" Г.Д. Санжеев опять находит у этого деепричастия временное значение¹⁹;

е) в 1972 г. в своей монографии Ц.Ц. Цыдыпов около 20 страниц посвятил законченному виду, выраженному разделительным деепричастием²⁰;

ж) в 1979 г. Ц.Б. Цыдендамбаев находит, что разделительное деепричастие обозначает прошедшее время, и пишет: "Поэтому и понятно, что последнее может быть заменено причастием завершено-прошедшего времени на -нхай или причастием прошедшего времени на -пац, так как они синонимичны во временном плане"²¹.

Все это свидетельствует о том, что есть необходимость на конкретных примерах тщательно сопоставить эти формы. Для этого нужно сопоставить аффикс разделительного деепричастия -аад с аффиксом, грамматическим значением которого было бы прошедшее время. Таков аффикс причастия прошедшего времени, которое, кстати, употребляется в таких же аналитических конструкциях, как и разделительное деепричастие.

Эти две формы (разделительное деепричастие и причастие прошедшего времени) сопоставим в одинаковых предложениях:

Дугар энэ ном уншаад байна - букв.: 'Дугар эту книгу прочитав есть';

Дугар энэ ном уншапан байна – букв.: Дугар эту книгу читавший 'есть'.

Различие грамматических значений слов уншаад 'прочитав' и уншапан 'читавший' вполне отчетливо осознается носителями языка. Но вместе с тем очень трудно описать его, передать на лингвистическом метаязыке. Дело вот в чем. Грамматическим значением слова уншаад 'прочитав' является законченность действия. Иначе говоря, действие, которое обозначает это слово, уже совершилось, следовательно, воспринимается в прошедшем временном плане. Грамматическим значением слова уншапан 'читавший' является прошедшее время. За этими основными компонентами (уншаад 'прочитав' и уншапан 'читавший') в приведенных предложениях следует вспомогательный глагол байна 'есть', который передает бытование, наличие субъекта в момент речи. По отношению к этому "моменту речи" оба действия (уншаад 'прочитав' и уншапан 'читавший') уже совершены. Поэтому разница между законченностью действия (т.е. законченным действием) и прошедшим временем (т.е. прошедшим действием) нивелируется. Этот факт, по-видимому, приводит многих исследователей к мысли о временном значении разделительного деепричастия.

Теперь продолжим наше сопоставление на примере глагола движения оохо 'уходить':

Баатар ооһон байна – букв.: 'Батор ушедши есть'; Баатар ооһод байна – букв.: 'Батор дошедши есть'.

Смысл первого предложения состоит в том, что Батор ушел, направился куда-то в прошлом (ооһон 'ушедши'). Это прошедшее действие, выраженное основным компонентом – причастием прошедшего времени ооһон 'ушедши', констатируется вспомогательным глаголом 'есть' в момент разговора.

Смысл второго предложения отличается тем, что Батор дошел, т.е. закончил свое действие. Само действие и его законченность выражены разделительным деепричастием (ооһод 'дошедши'), и они констатированы вспомогательным глаголом байна 'есть'.

Как видно из приведенных примеров, грамматическое различие разделительного деепричастия и причастия прошедшего времени не только ощущается в языковом сознании говорящих, но и в известной мере может быть определено на метаязыке.

Теперь в приведенных предложениях уточним место прибытия:

Баатар Москва ооһон байна; Баатар Москва ооһод байна.

По смыслу первого предложения мы понимаем, что Батор выехал в Москву, но не знаем, где он находится: возможно, он на вокзале, или в пути, или даже в Москве. По смыслу второго предложения, Батор самым натуральным образом находится в Москве, так как действие закончилось, оно должно закончиться только в Москве. Эту разницу между причастием прошедшего времени и разделительным деепричастием почему-то не мог уловить Ц.Б. Цыдендамбаев, который хорошо знал бурятский язык.

Из сказанного следует, что в бурятском языке имеется законченный вид, грамматическим формантом которого является аффикс

разделительного деепричастия. Но никак не могут быть формантами этого вида временные аффиксы причастия прошедшего времени (-һан) и аналогичного с ним причастия завершено-прошедшего времени (-һай).

По мнению Ц.Б. Цыдендамбаева, функцию соединительного деепричастия (-жа) может выполнить аффикс прилагательного -нги (зобонги 'беспокойный'). В отглагольных прилагательных, как известно, ощущается действие и в какой-то мере присутствуют признаки глагола (ср.: вареный – переваренный, крашеный – выкрашенный и т.д.). То же самое в бурятском языке: зобонги ('беспокойный') байна, үжэнги ('гнилой') байна, үбшэн ('больной') байна.

В настоящем времени действие воспринимается как продолжающееся: ябана 'ходит'. В русском языке нет специального аффикса постоянного или многократного действия: такие действия передаются формой настоящего времени: Волга впадает в Каспийское море. И лингвисты не могут понять, в чем тут дело, поэтому называют то расширенным настоящим, то вневременным настоящим. Между тем этот вопрос может быть решен просто: многократный и постоянный виды в русском языке передаются аффиксом настоящего времени (-ет, -ит, -ют, -ят).

Если бы в бурятском языке не было аффикса многократного причастия -даг, то мы постоянное или многократное действие тоже передавали бы аффиксом настоящего времени и при этом вряд ли чувствовали бы неудобство: Волга Каспийн далайда шудхадаг / Волга Каспийн далайда шудхана 'Волга впадает в Каспийское море'. В этих двух вариантах содержания предложения большой разницы нет. Другое дело – грамматическое оформление предложения. Этот факт свидетельствует о том, что настоящее время легко передает смысл постоянного и продолженного действия.

Мы остановились так подробно на настоящем времени, чтобы показать его специфику. Без такого понимания порой трудно разобраться в тех или иных языковых явлениях.

Теперь вернемся к слову зобонги, поставим его в прошедшем и будущем временах: зобонги байгаа, зобонги байха. Значительно убавилось ощущение продолжительности действия. Эти примеры поставим в форме соединительного деепричастия: зобожо байгаа, зобожо байха. Продолжительность действия ничуть не изменилась, она лишь воспринимается в разных временных планах.

Таким образом, считать, что аффикс прилагательного -нги имеет то же значение, что и аффикс соединительного деепричастия (-жа), конечно, серьезное заблуждение. Обозначение продолжительности действия через прилагательное – явление только кажущееся. Тем не менее следует обратить внимание на то, что разнородные языковые явления в принципе могут выполнять идентичные функции. Например, формы склонения, частицы, вводные слова выражают отношение высказывания к действительности. Поэтому их объединяют в одну группу, назвав это явление модальностью. Таким же способом образованы термины "аспектуальность", "персональность", "нумеральность" и т.д. Их принято называть не грамматическими кате-

горящими (ведь сами они состоят из разных грамматических категорий), а понятийными или функционально-семантическими категориями.

Ц.Б. Цыдендамбаев также пишет: "Повторное употребление слитного или разделительного деепричастия основного глагола закономерно обеспечивает выражение многократности действия, поэтому смысл такого повтора оказывается идентичным причастию с соответствующим содержанием"²². Сказанное здесь Ц.Б. Цыдендамбаевым только подтверждает наличие многократного вида в бурятском языке. Действительно, можно сказать һуран һуран һууна, и это выражает многократное действие. Но относительно разделительного деепричастия автор не приводит примера, потому что в повторной форме оно не употребляется. О повторном употреблении деепричастных форм можно прочитать в работе "Аналитические конструкции в бурятском языке"²³.

Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что город орохо гэжэ показывает потенциальность действия. В связи с этим возникает необходимость уяснить разницу между потенциальностью действия и будущим временем.

Суть значения будущего времени – выражение действия, которое совершится после момента речи.

Что касается потенциальности действия, то это семантика довольно своеобразная. Поскольку действие потенциальное, оно должно совершиться после речи о нем, и этим оно похоже на будущее время. Однако потенциальность действия и будущее время отличаются по смыслу и по форме. Разберем примеры.

Баяр Москва ошохоо (ошохоёо) байна 'Баир вот-вот поедет в Москву': данную грамматическую форму переводим описательно, так как в русском языке нет потенциального вида.

Баяр Москва ошохо байна 'Баир в Москву поедет'. Если сравнить будущее время (ошохо) с потенциальным действием (ошохоёо), то в словоформе ошохо довольно индифферентно сообщается о предстоянии действия, а в словоформе ошохоёо передаются еще два момента: скорое наступление действия и обязательное наступление действия. Заключенные в аффиксе -хаа (-хая), они, видимо, являются основными признаками потенциального действия в бурятском языке. В аффиксе будущего времени -ха таких признаков нет. Формально-грамматическое различие этих двух аффиксов (-ха и -хаа/-хая) заключается в том, что первый образует причастие будущего времени, а второй – целевое деепричастие.

Слова с аффиксом -маар, которые Ц.Б. Цыдендамбаев считает прилагательными, на самом деле – причастия, выражающие не потенциальность действия, а его целесообразность. Об этом причастии довольно подробно сказано в анализируемой Ц.Б. Цыдендамбаевым книге²⁴. Поэтому, думается, нет необходимости здесь останавливаться на нем.

Итак, Ц.Б. Цыдендамбаев пишет, что "все эти сочетания, выделенные Ц.-Ж. Цыдыповым как видовые конструкции, без особой на-

тяжки могут быть заменены другими аналогичными сочетаниями с теми же видовыми значениями"²⁵. Однако, как мы видели выше, сам Ц.Б. Цыдендамбаев заменял с "натяжкой", притом с такой большой "натяжкой", что все "замены" оказались ошибочными. Лишь одно пуран пуран пууна имеет значение многократности. Притом эти повторы не заменяют аффикс -даг и другие аффиксы, а всего лишь отдаленно, периферийно дополняют их. Таким образом, доводы Ц.Б. Цыдендамбаева, на которые должно было опираться отрицание четырехвидовой системы, изложенной в "Аналитических конструкциях", не выдерживают критики.

Ц.Б. Цыдендамбаев пишет далее: "Таким образом, к числу глагольных видов не относятся видовые значения, заложенные в лексическом содержании первичных глаголов или выраженные синтаксическими сочетаниями"²⁶. Написано так, будто в "Аналитических конструкциях в бурятском языке" не различаются вид и лексическое видовое значение; однако достаточно посмотреть на приведенную там схему (с. 65), чтобы увидеть, как они разведены. Эту схему мы вынуждены воспроизвести в настоящей статье. Что до "выраженности синтаксическими сочетаниями", то здесь имеется в виду "синтаксическая спаянность", о которой выше уже сказано.

Во второй части раздела "Категория вида" Ц.Б. Цыдендамбаев пишет: "Насколько можно судить по имеющимся данным, в бурятском языке могут быть выделены шесть глагольных видов: 1. Внезапный вид (-ша), 2. Мгновенный вид (-рхи), 3. Многократный вид (-л), 4. Учащательный вид (-сагаа), 5. Уменьшительно-ласкательный вид (-хада), 6. Ограничительный вид (-д гэ)".

История постановки вопроса такова. В 1951 г. Б.Х. Тодаева в своей работе "Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология" отмечала: "Синтетический способ образования глагольных видов заключается в том, что к глагольной основе присоединяются соответствующие аффиксы с теми или иными видовыми оттенками значения" (с. 120). Этой же концепции стали придерживаться Г.Д. Санжеев (1962) и Д.А. Алексеев (1969). В 1972 г. в бурятском языке мы собрали около десятка аффиксов со значением способов действия и посвятили им раздел "Видовые классы (способы действия)" в монографии "Аналитические конструкции..." (с. 116-173).

В 1979 г. в работе "Грамматические категории..." Ц.Б. Цыдендамбаев шесть аффиксов показывает видовыми. На предварительном обсуждении этой работы на наше замечание, что идея принадлежит Б.Х. Тодаевой, а об этом не сказано, Ц.Б. Цыдендамбаев возразил, что у него совсем другая идея. Теперь работа издана, изложена концепция Б.Х. Тодаевой, но без ссылки на нее.

Из перечисленных лишь аффиксы -рхи (-хи) и -ша не имеют ограничений в сочетаемости. Но так как значение их - мгновенность и внезапность действия, то частотность их употребления не так велика.

Все остальные аффиксы, представленные Ц.Б. Цыдендамбаевым в качестве видовых, имеют узкое, малоупотребительное значение и

присоединяются к ограниченному количеству глаголов. Отсюда следует, что все они не могут быть видовыми. Такого рода аффиксы принято считать видовыми классами (способами действия).

Относительно вида, видовых классов (способов действия), видового значения Ц.Б. Цыдендамбаев пишет: "Такая ступенчатость в видовых образованиях, по-видимому, характерна для ряда индоевропейских языков"²⁷. И дальше: "Подобные классификации, по всей вероятности, необходимы для языков с видовыми градациями, завершающимися наиболее обобщенной видовой корреляцией, охватывающей весь глагольный состав лексики, но едва ли они применимы для таких языков, как бурятский"²⁸.

Создается впечатление, что аспектуальные значения в своем развитии "поднимаются по ступенькам": видовое значение, способы действия и виды. Вероятно, когда-то в языке не передавался характер действия. Но, появившись, аспектуальное значение вряд ли "поднималось по ступенькам". Те или иные значения в том или ином языке распространились на разные объемы глагольной лексики. Аффиксы -сагаа, -д гэ, -ша и некоторые другие в бурятском языке употребляются с ограниченным количеством глаголов — в силу их значения они не так часто встречаются в литературе и в разговоре. Тем не менее Ц.Б. Цыдендамбаев считает их видовыми, а не способами действия. Аффиксы -аад, -жа, -даг, -хаа употребляются со всеми глаголами, являются чрезвычайно частотными. Именно они могут быть видовыми.

Аспектуальных значений в известных нам языках довольно много. Эти значения в разных языках имеют разный грамматический статус: на уровне оформления видового значения, на уровне способов действия и т.д.

Теория глагольного вида создавалась на материале славянских языков, в которых преобладают совершенный и несовершенный виды. Поскольку категория вида не разрабатывалась на данных языков иной системы, создавалось впечатление, что аспектуальная категория должна существовать в языке только в форме совершенного/несовершенного видов или, по крайней мере, с двусторонним противопоставлением. С этой позиции рассматривался глагольный вид любого другого языка. Но в связи с исследованием языков иных морфологических типов (финно-угорских, тюркских и пр.) становится более или менее очевидным, что все разнообразие видовых значений в различных языках невозможно втиснуть в прокрустово ложе совершенного и несовершенного вида. Появляется необходимость смотреть на глагольные виды несколько шире и допустить возможность существования разных форм выражения их в разноструктурных языках.

В связи с этим возникают вопросы: какие нюансы может иметь характер протекания действия и — соответственно этому — какие значения могут быть зафиксированы в языкознании как видовые? Наиболее полный учет видовых значений дал бы возможность классифицировать их, и необходимость в общей классификации видовых значений существует. Однако классификация видовых значений представ-

ляет большую трудность, так как "эта категория имеет несколько оснований, далеко не одинаковых по своей природе и сущности"²⁹.

Не претендуя на полноту охвата и удовлетворительность теоретического обоснования, попытаемся предложить предварительную схему классификации видовых значений.

А. Характеристика действия как целостного процесса

1. Однократный (точечный, моментальный, мгновенный, ультра-мгновенный)^{*} вид, который представляет действие в какой-то определенной момент его совершения: түрэшэбэ 'прыгнул'.

2. Многократный (повторяющийся, прерывистый, итеративный, распорядительный, дистрибутивный, фреквентативный) вид, представляющий действие как повторяющееся: уншадаг 'читает многократно'.

3. Постоянный (устойчивый, пермансив) вид, который представляет действие как постоянно совершающееся: Сэлэнгэ Байгалда шудхадаг 'Селенга впадает в Байкал'.

4. Ограниченный вид, представляющий действие как совершающееся в определенных пределах: Ябад гэ 'Походи немного'.

5. Потенциальный (предстоящий, целевой) вид, который представляет действие как готовое вот-вот совершиться, притом оно обязательно должно совершиться: Уншажаа байна 'Вот-вот зачитает'.

Б. Характеристика действия по этапам его протекания

1. Начинательный (вступительный, инхоативный, ингрессивный, инцептивный, зачинательный) вид, который обозначает начало действия, например: запеть^{**}.

2. Продолженный (продолжающийся, линейный, длительный, дуративный, курсивный, прогрессивный, континуатив, протяженный) вид, обозначающий действие в его течении, протекании: Уншажа байна 'Читает'.

3. Законченный вид, который обозначает конец, прекращение действия, независимо от результата и достижения цели: Уншаад байна 'Закончил читать'.

^{*}В качестве основного названия взят более или менее нейтральный вариант, а в скобках даны варианты с конкретизирующим оттенком или синонимы и кальки основного названия.

^{**}В бурятском языке значение начинательности передается лексически: дуулажа эхилбэ 'начал петь'. В подобных случаях примеры из бурятского языка не приводятся.

В. Характеристика действия по его результату

1. Совершенный (результативный, эффективный, перфективный, аористический, определенный, недлительный, терминативный, предельный) вид, который представляет действие в его пределе, результате, например: прочитал.

2. Несовершенный (нерезультативный, имперфективный, незаконченный, непредельный) вид, представляющий действие в его течении как не имеющее предела: читал.

Г. Характеристика действия по его темпу

1. Интенсивный (усилительный, конатив) вид, который обозначает энергичность протекания действия: ябажархи 'иди энергично'.

2. Ослабленный вид, обозначающий действие в неполном, ослабленном протекании: энеэбхилхэ 'чуть-чуть смеяться'.

3. Учащательный вид, представляющий действие в его ослабленно-прерывистом протекании: ябасагааха 'похаживать'.

4. Ритмичный вид, который представляет действие в его мерно-ритмичном протекании: хотолзохо 'изгибаться'.

Д. Эмоциональная характеристика действия

1. Уменьшительный вид, обозначающий малую степень проявления, незначительность действия (в латинском и французском языках).

2. Увеличительный вид (?).

3. Пренебрежительный вид (?).

Таким образом, на основе имеющихся у нас сведений можно констатировать наличие пяти групп видовых значений.

Все перечисленные выше видовые значения могут быть выражены различными способами, встретиться на разных уровнях актуальности, и в каком-нибудь конкретном языке они могут быть противопоставлены друг другу в самых разнообразных вариантах.

1. Видовые значения могут быть выражены и морфологическим, и лексическим способами. Морфологический способ выражения видовых значений может быть и синтетическим (уншажархиха 'прочитать'), и аналитическим (уншаад байна 'прочитав есть').

В роли грамматических формантов морфологического способа выступают и специальные видовые аффиксы (хэбтэшэ 'ложись быстро'), и аффиксы словообразующего характера (хотолзохо 'нагибаться многократно'), и формообразующие аффиксы, причастные или деепричастные (уншадаг байна 'читает многократно', уншаанаар байна 'все еще продолжает читать').

Актуальное значение, выраженное морфологическим способом, может представлять виды, подвиды и видовые классы (способ-

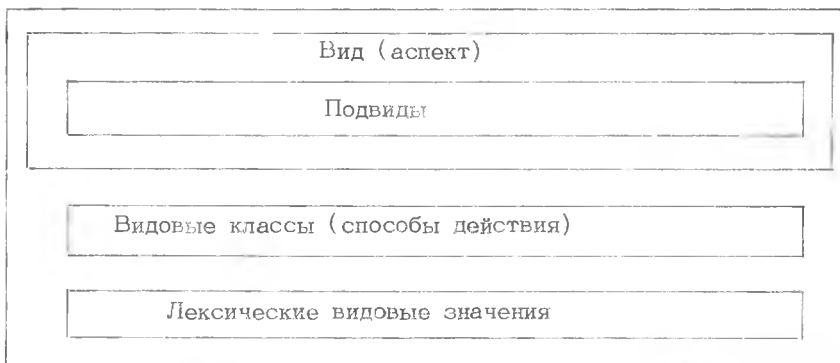
бы действия^{*}). Аспектуальное значение, выраженное лексическим способом, образует лексическое видовое значение.

2. Вид, подвид, видовой класс (способ действия) и лексическое видовое значение входят в аспектуальность, под которой понимается функционально-семантическая категория, выражающая характер протекания действия морфологическим и лексическими способами.

Центральное место в аспектуальности занимает вид (аспект), в состав которого входят и подвиды. Видовые классы (способы действия) как языковое явление сходны с видом, но играют по сравнению с ним второстепенную грамматическую роль. На периферии аспектуальности находятся лексические видовые значения^{**}, выражающие грамматическое понятие лексическим способом.

Сказанное можно представить в виде схемы.

Аспектуальность

^{*} Термин "способы действия" употребляется в двояком значении: а) в широком смысле он обозначает то, что любое видовое значение выражает способ действия, б) в узком — когда речь идет о второстепенном видовом значении, не имеющем тотального распространения. Во втором значении признается уместным термин "видовые классы" (см.: Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. — М., 1960).

^{**} В языкознании принят термин "видовое значение", который употребляется в двух аспектах: в широком смысле — видовое значение вообще, т.е. оно может быть содержанием глагольного вида, видового класса и т.д.; в узком смысле — видовое значение, которое не имеет морфологического показателя и передается лексическим способом. В этом узком смысле мы употребляем термин "лексическое видовое значение" в отличие от видового значения в широком смысле.

Любое видовое значение может выступать в одном языке на уровне вида, в другом – на уровне подвида, в третьем – на уровне видового класса (способа действия) или лексического видового значения.

Казалось бы, противопоставление видов в любом конкретном языке должно проводиться в пределах одной группы видовых значений: или по этапам действия, или по результату действия и т.д. Однако в самой жизни язык не всегда следует этой логике. Например, в русском языке противопоставление совершенного и несовершенного видов идет в пределах одной группы – по результату действия. Способы действия относятся к разным группам. А в бурятском языке противопоставление проводят между видовыми значениями разных групп (первых двух групп). Что касается видовых классов (способов действия), то между ними нет строгого противопоставления и поэтому их можно найти в любой группе.

В современном языкознании глагольный вид определяется как грамматическая категория, выражающая характер протекания действия³⁰. Такое определение, безусловно, правильно, но, как нам кажется, недостаточно. Его недостатком является то, что оно не отграничивает вид от видовых классов (способов действия) и лексических видовых значений. Как видовые классы (способы действия), так и лексические видовые значения выражают характер протекания действия, но разными способами. Стало быть, приведенное выше определение нуждается в уточнении, по крайней мере для бурятского языка. Для этой цели нужно выяснить, каковы основные особенности категории вида в этом языке.

Глагольный вид в бурятском языке характеризуется следующими признаками:

- 1) выражает характер протекания действия;
- 2) образуется аналитическим способом;
- 3) имеет морфологические показатели (аффиксы причастных и деепричастных форм), регулярно создающие видовые значения в системе аналитических конструкций;
- 4) обладает тотальным распространением в языке, т.е. охватывает все глаголы, во всяком случае абсолютное их большинство (нам не удалось обнаружить глагол, который бы не принимал видовые формы);
- 5) содержит возможность противопоставления (иначе говоря, имеющиеся в бурятском языке глагольные виды взаимно противопоставлены друг другу);
- 6) образуется вне зависимости от временных форм, т.е. все виды употребляются в любом временном плане.

Для того чтобы на основе приведенных признаков дать определение глагольному виду, необходимо из всех признаков выделить самые существенные, т.е. такие, которые, с одной стороны, раскрывали бы сущность глагольного вида, а с другой – давали бы возможность отграничить его от других, соприкасающихся языковых явлений, таких как видовые классы (способы действия) и лексические видовые значения.

Признаком, раскрывающим сущность категории вида, безусловно, является обозначение им характера протекания действия. Но указать лишь на это было бы слишком общо, так как видовые классы (способы действия) и лексическое видовое значение, как сказано, тоже выражают характер протекания действия. Чтобы отграничить вид от видовых классов (способов действия), необходимо подчеркнуть в определении тот факт, что глагольные виды имеют тотальное распространение в языке, чего не имеют видовые классы (способы действия).

Чтобы разграничить вид и лексические видовые значения, необходимо указать в определении на морфологический (или грамматический) способ образования видов, так как лексические видовые значения образуются только путем сочетания слов. На основе сказанного можно предложить следующее определение глагольного вида в бурятском языке: глагольным видом называется грамматическая категория, выражающая характер протекания действия и образуемая морфологическим способом от большинства глаголов.

Исходя из такого понимания категории глагольного вида, в бурятском языке обнаруживаем законченный, продолженный, многократный и потенциальный виды. Кроме того, в нем встречаются разнообразные видовые классы и лексические видовые значения.

Правда, появилось новое определение вида: "Категория вида обозначает отношение действия к внутреннему пределу. Внутренний предел действия следует понимать как его естественный исход, достижение предполагаемой цели или определенного результата, достижение известной границы"³¹.

Такое определение, наверное, применимо к конкретному языку, где характеристика действия дается только по его результату. В языках, в которых имеются многократный, постоянный, потенциальный, продолженный и другие виды, внутренний предел незначим.

Примечания

¹ Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 118-119.

² Там же. - С. 119.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. - С. 119-120.

⁶ Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. - Улан-Удэ, 1972. - С. 84-86, 99-101, 125-128, 132-134.

⁷ Бобровников А. Грамматика монгольского языка. - СПб, 1833. - С. 75.

- 8 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 139-145.
- 9 Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. - Спб., 1832. - С. 67.
- 10 Бобровников А. Грамматика монгольского языка. - С. 75, 82.
- 11 Попов А. Грамматика калмыцкого языка. - Казань, 1847. - С. 140-141.
- 12 Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка. - С. 139, 319-320.
- 13 Орлов А. Грамматика монголо-бурятского разговорного языка. - Казань, 1878. - С. 168.
- 14 Котвич Л.В. Лекции по грамматике монгольского языка. - Спб., 1902. - С. 124-125.
- 15 Амоголонов Д.Д. Деепричастие в бурят-монгольском языке. - Улан-Удэ, 1958. - С. 51-52.
- 16 Бертагаев Т.А. О сложных и некоторых других глагольных образованиях в бурят-монгольском языке // Зап. Бурят-Монгольск. НИИК. - Улан-Удэ, 1950. - С. 116.
- 17 Цыдыпов Ц.Ц. Табедахи класста үггин бүридэл үзэлгэ. - Улан-Удэ, 1955. - 10 н.
- 18 Шевернина З.В. Времена в современном монгольском литературном языке. - М., 1958. - С. 11-12.
- 19 Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. - М., 1962. - С. 284-285.
- 20 Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции... - С. 67-86.
- 21 Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. - М., 1979. - С. 119.
- 22 Там же.
- 23 Цыдыпов Ц.Ц. Аналитические конструкции... - С. 115-119.
- 24 Там же. - С. 46-48, 200-203.
- 25 Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории... - С. 118.
- 26 Там же. - С. 120.
- 27 Там же. - С. 117.
- 28 Там же.
- 29 Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы. - М., 1960. - С. 21.

³⁰ Современный русский язык: Морфология. - М., 1952. - С. 253; Вопросы глагольного вида. - М., 1962. - С. 9; Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. - Л., 1967. - С.11.

³¹ Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. - М., 1981. - Ч. II: Словообразование. Морфология. - С. 168.